

МЕТАФИЗИКА PIAZZA D'ITALIA, ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА И ТОПОС МЫСЛИ

Идея университета и топос мысли.

Материалы конференции, посвящённой 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ.
Самара, 2005.

Осенью 2005 г. кафедре философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета исполнилось двадцать пять лет. Во временном масштабе жизни старейших



университетских центров такая цифра кажется незначительной. Однако для учебного заведения, которому самому ещё только за тридцать, тем более для людей, стоявших у истоков кафедры, четверть века – это существенная дата. Всякий же юбилей располагает к осмыслению пройденного пути, к ориентировке на местности, к топологии тех мест, по которым этот путь пролегает. Для кафедры таким местом является университет, поэтому вполне резонным выглядит намерение организаторов приурочить юбилейную философскую кон-

ференцию к теме университета как топоса мысли. Тем более что контуры этого места в настоящее время столь размыты, а происходящие в нём изменения столь тревожны, что не говорить об университете сегодня уже нельзя. Руинизация классического университета требует револьвации его «идеи», равно как и изгнание универсалистской мысли из стен современного университета вынуждает ставить вопрос о том, где и как теперь эта мысль возможна. В этой связи авторы сборника *Идея университета и топос мысли* предпринимают анализ широкого круга внутренне взаимосвязанных проблем, которые лишь с большой долей условности можно разделить на три тематических блока: *университет как топос мысли, образования и власти*.

Несомненным достоинством сборника является то, что публикуемые в нём материалы не ограничены узкими рамками локального сообщества. Напротив, объединив на своей «площадке» представителей различных академических дисциплин (философов, социологов, историков), сборник организует своеобразную переключку из различных мест. Его топография представлена тремя десятками авторов из различных регионов России, а также «ближнего» и «дальнего» зарубежья: Москва,

Санкт-Петербург, Екатеринбург, Самара, Нижний Новгород, Пенза, Челябинск, Ульяновск, Ижевск, Тольятти, Минск, Гейдельберг. Разнообразие текстов, равно как и число высказанных мнений, таковы, что не позволяют представить их полный обзор в рамках короткой рецензии. Вместе с тем это обстоятельство побуждает более пристально вслушаться в некий неизменный контрапункт большинства рассуждений.

1. Метафизика «Piazza d'Italia»

Первое знакомство с книгой, как и с человеком, начинается с одежды. Обложка книги, конечно, может ничего не сказать о её содержании (что зачастую свидетельствует о вкусе редактора или бюджете издания). Однако в нашем случае она говорит, причём не монологически. Диалог возникает между двумя репродукциями картин итальянского художника Дж. де Кирико, вынесенными на лицевую и оборотную стороны обложки. В композиционном отношении это похожие картины, вполне пригодные для задачки типа: «Найди N отличий». К тому же они объединены общим названием «Итальянская площадь». И здесь и там мы видим плац, замкнутый с боков уходящими в перспективу арочными строениями, а с фронта — «падающей» башней. В центре композиции — возлежащая мраморная статуя в античной тунике, поодаль — два беседующих сеньюра. Глубокие контрастные тени диагонально разрезают видимую часть площади, скрывая в полумраке очертания загадочного куба.

Основное различие заключено не в композиции картин, а в цветовом решении — в изображении времени суток. Если на первой — скорее «утро», то на второй — «вечер» (время глубоких теней). Из такого сопоставления следует, что собеседники, подобно эпическому Сократу, целый день простояли в относительной неподвижности, а виднеющийся на дальнем плане паровоз застыл вместе со своим паровым выхлопом.

Однако такая видимость не согласуется с законами физики, ибо, несмотря на временную разницу, тени на картинах не изменили ни направления, ни длины. Темпоральная динамика «утреннего» и «вечернего» вступает, таким образом, в явное противоречие со статикой фигур и теней. Время словно бы прокрутилось независимо от объектов, предоставив пространству право на автономное существование в горизонте вечности. Великий Хронос будто бы изгнан за рамку холста, откуда он, правда, ещё бросает косые взгляды «утреннего» и «вечернего», заставляя предметы отбрасывать глубокие тени, которые лишь усиливают доминантный статус вещей: каждая вещь — на своём месте. Прделанная художником редукция времени учреждает, таким образом, сверхзначимость городского пространства, места, *топоса*, точно так же, как темпоральность номада обратным способом превращает пространство в мелкую разменную монету.

Юбилей кафедры — это событие приостановки времени, продукт фиксации какого-то временного отрезка, словом — эпохэ. Вместе с

тем, это повод оглянуться вокруг, оценить пространство своего пребывания в качестве учёного и педагога или просто человека мыслящего. Что сегодня представляет собой это место? Приведём лишь малую часть тех определений, которыми участники конференции наделяют современный университет: «корпорация по продаже знаний», «мега-маркет потребления», «театр», «цирковая арена университетской профессуры», «место власти», «побочный продукт глобализации». «Ореол смыслов, сияющих вокруг слова *университет*», не только рождает ту *идею университета*, которая, по словам В. А. Конева, сама по себе является непосредственно *топосом мысли*, ибо мысль по своей природе универсальна (с. 20), но и ставит её под вопрос, рождая сомнение: а существует ли ещё «идея» университета, или она незаметно для нас канула в Лету, пополнив открытый Фридрихом Ницше список умерших символов европейской культуры.

2. Топос мысли

В своё время М. Хайдеггер, отвечая на вопрос, что такое метафизика, предложил весьма необычный ход размышления: целостность метафизики можно ухватить, разобрав отдельный метафизический вопрос. В универсальности и продуктивности такого метода можно ещё раз убедиться, ознакомившись с программным докладом В. А. Конева (Самара) «Проблема универсалий в новом повороте». Разработка этой классической проблемы имеет принципиальное значение для понимания сущности университета (как прошлого, так и будущего) в силу хотя бы того обстоятельства, что ориентация на универсальное знание и действие, забота о всеобщем всегда составляли стержень университетской идеологии. Новый взгляд на проблему универсалий, по мнению автора, предполагает поворот от *универсализма знания*, к которому тяготела традиционная университетская наука, к *универсализму бытия-события* (ответственного поступка — у Бахтина). Такой поворот способен придать новую направленность университетской науке и образованию, которые отныне должны ориентироваться не на производство *знания-эпистемы*, а на знание особого рода — *знание-фронему*, на развитие *универсальной способности быть* (с. 30).

Контрапункт событийной природы универсального образования отчётливо слышен и в текстах других авторов. Мысль рождается и высказывается не из абстрактного места, у-топоса, она всегда «здесь и теперь», она неотъемлема от места и обстоятельств её свершения и поэтому неконвертируема в едином пространстве наблюдения и переноса знания (как знания-эпистемы). Мысль индивидуальна (неделима), однако в то же время и институциональна. Институции, по выражению Н. А. Грякалова (Санкт-Петербург), играют роль «свайных конструкций», опора на которые позволяет мысли удерживаться в определённом, созданном ею же самой топосе. Такое институциональное самонастаивание мысли (в качестве того, что уже не зависит от наших реактивных изживаний) есть продукт упорства и риска (а не отвлечённого созерцания). Мысль (если она не симуляция) есть риск и

упорство перед лицом научного (университетского) сообщества, единственный авторитет которого она сама же как мысль утверждает и признаёт. Это значит, что универсалистское мышление и университетское образование имеют внутренний телос, каковым является преобразование, трансформация человеческого существа, а следовательно, они не могут быть изъяты из контекста социальных практик. Университет по «идее» является местом, предназначенным для культивирования себя, «заботы о себе» (М. Фуко), местом перехода через «внутренние Альпы» от себя незнающего к себе знающему, или, как резюмирует В. А. Лехциер (Самара), пространством переходности (существования в модусе «пере»).

Это в «идее». В реальности же учёба в современном университете (как западном, так и российском) всё более утрачивает судьбоносный (экзистенциальный) смысл, становясь лишь средством получения всевозможных социальных отсрочек: от армии, от профессии, от семьи. Этому немало способствуют и те условия, в которых сегодня находится академическая наука. Её существование напрямую зависит от запросов информационной бизнес-среды, ориентированной на прикладной, междисциплинарный и профицитный характер знания. Возрастающее давление этой среды оборачивается для гуманитария (носителя универсалистской мысли) «информационным стрессом» (С. А. Лишаев, Самара), обусловленным профессиональной необходимостью ориентироваться в расширяющихся потоках информации. Общественная нацеленность на профицит знания навязывает фундаментальной науке соревнование в скорости, заведомо ставя её в положение аутсайдера, поскольку предлагает такую темпоральную размерность, которая соответствует времени менеджера, а не учёного (А. Е. Сериков, Самара). Природа универсального, по-видимому, такова, что оно не может рождаться в спешке и гонке за сиюминутным результатом. Ему необходима некоторая пауза, редукция времени, которую мы наблюдаем на картинах Дж. де Кирико.

3. Топос образования

О кризисе университета как образовательного и научного учреждения европейские мыслители в лице Вебера, Ясперса, Хайдеггера и др. заговорили ещё в начале прошлого века. Естественно, что такая окрашенная в трагические тона тема, как «смерть университета», не могла остаться не озвученной в рамках рецензируемого сборника. Основанием для смертельного диагноза послужил тот процесс отделения науки от образования (и, как следствие, перемещение науки в узкие исследовательские центры), который знаменовал утрату идеи универсальности и единства знания и мышления. Кризис фундаментального принципа *образования посредством приобщения к науке* превратил классический университет в руины. Начало этому процессу положило само Новое время, которое придало науке характер организованного производства знания. По мнению С. И. Голенкова (Самара), «смерть университета» необходимо понимать в двух смыслах: во-первых,

как неэффективность институциональной формы современного университета, выражающуюся в углублении процесса стандартизации и унификации образовательных программ, во-вторых, в сущностном смысле — как утрату в существующей системе самой возможности для самостоятельной мысли.

Последнее наиболее очевидно выражается в усиливающейся зависимости университетов от экономической конъюнктуры. Согласно исследованию Н. Е. Покровского (Москва), сегодня мы повсеместно наблюдаем процесс превращения университета из храма науки в *market place*, торговую площадку, в экономическую «корпорацию по продаже знаний». Проблема финансирования и построения бюджета становится главным рычагом управления всей структурой университетов, что ведёт к выдвиганию на передний план управляющего персонала и, как следствие, к ослаблению роли Учёного совета. Ректор приобретает статус топ-менеджера производственной корпорации, в то время как студенты всё чаще оказываются в роли её постоянных «клиентов».

Корпоративная природа нового образования заявляет о себе, прежде всего, в вытеснении фундаментальных, или так называемых общих, курсов, прикладными и всё более краткосрочными, нацеленными на «результат» междисциплинарными программами. Это раньше других испытали на себе философия, общая социология и теоретические разделы психологии, которые сегодня большинством слушателей воспринимаются как экзотические дисциплины. Потребительское отношение к статусу знания на фоне омащевления системы высшего образования грозит оставить на обочине образовательного процесса практически всю гуманитарную культуру. Превратившись, по мнению О. А. Маслова (Самара), в очередной симулякр, университет, правда, ещё способен осуществлять миссию своеобразного «культурного гетто для критически настроенных интеллектуалов», ограждающее творческую мысль от агрессии массовой культуры (с. 191).

4. Топос власти

Возникнув как результат просвещённого мезальянса учёных с правительственными чиновниками, университет и по сей день является местом приложения рычагов власти. Политический аспект идеи университета, как он был сформулирован классиками от Канта до Ясперса, сводился, прежде всего, к идее политической автономии. Однако этот аспект не был бы проблематичным, если бы университет не имел обратного воздействия на власть (прежде всего государство). При всём желании оградить университеты от «произвола властей» не стоит забывать, что они сами являются субъектами власти, хотя бы в том смысле, что являются местом собирания и самоопределения властных субъектов. Это позволяет С. В. Соловьёвой (Самара) вслед за Фуко интерпретировать университеты как необходимые элементы в «микрофизике власти», важные узлы и механизмы образования и функционирования дисциплинарных машин. Правда, активное пози-

ционирование университетов в качестве субъектов власти напрямую зависит от поддержания ими статуса инстанции объективного знания. И здесь многое зависит от того, как понимается само отношение знание-власть – тема, которая напрямую не затронута в материалах сборника. Из размышления Б. Вайдмана (Гейдельберг) о политической функции университетов в понимании К. Ясперса и Х. Арендт следует одно: университетский разум способен сохранить суверенитет лишь тогда, когда мыслитель удерживает (не переступая) тонкую грань знания и власти. Политическая роль университета, как она видится О. Шпараге (Минск), должна заключаться лишь в «формировании условий и элементов публичности в форме установления связи высказываний с жизнью» (с. 163).

Возможность высказать политически значимое суждение во многом может определить дальнейшую судьбу университета. С этим, как нам думается, заочно согласились бы все авторы сборника, поскольку их участие есть прямое следствие обеспокоенности дальнейшей судьбой университета и желания воздействовать на ситуацию через доступный интеллектуалу канал публичного изъяснения своей позиции. Каким будет университет будущего, сохранит ли он свою «идею» или только название, покажет время. Возможно, что оно, прокрутившись, как на картинах Дж. де Кирико, расставит, в конечном счёте, всё на «свои» места.

Ю. Разинов